

Гусева Ольга Валерьевна

МОРАЛЬ И ПОЭЗИЯ - ДИДАКТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ И СЮЖЕТЫ В ПОЛЬСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.

Статья посвящена истокам формирования детской литературы в Польше. Автор рассматривает основные жанры и сюжетные схемы, сложившиеся в творчестве основоположников польской детской литературы: К. Таньской-Хоффмановой и С. Яховича. Благодаря их авторитету дидактические жанры сохраняли свою актуальность на протяжении всего XIX в., а многие затронутые ими нравственно-этические проблемы нашли свое продолжение в творчестве следующих поколений детских авторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С. 10-13. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.162.1

Статья посвящена истокам формирования детской литературы в Польше. Автор рассматривает основные жанры и сюжетные схемы, сложившиеся в творчестве основоположников польской детской литературы: К. Таньской-Хоффмановой и С. Яховича. Благодаря их авторитету дидактические жанры сохраняли свою актуальность на протяжении всего XIX в., а многие затронутые ими нравственно-этические проблемы нашли свое продолжение в творчестве следующих поколений детских авторов.

Ключевые слова и фразы: история детской литературы; польская детская литература XIX в.; дидактическая литература; жанры детской литературы; поэзия; проза; К. Таньская-Хоффманова; С. Яхович.

Гусева Ольга Валерьевна, к. филол. н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
gusewa2004@mail.ru

МОРАЛЬ И ПОЭЗИЯ – ДИДАКТИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ И СЮЖЕТЫ В ПОЛЬСКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.

Основные жанры и схемы произведений детской литературы сложились к концу XVIII в. в творчестве западноевропейских писателей: Мари Лепренс де Бомон, Стефани Жанлис, Арно Беркена, Иоахима Кампе, Марии Эджуорт. В Польше произведения первых авторов, писавших для детей, стали известны в начале XIX в. в оригинале и в многочисленных переводах и обработках. На творчество своих английских, французских и немецких коллег во многом ориентировались создатели польской детской литературы – Клементина Таньская-Хоффманова (1798-1845) и Станислав Яхович (1796-1857). Расцвет их творчества пришелся на первую треть XIX в., но и к середине столетия, когда произведения первых западноевропейских детских авторов уже давно перестали читать на родине, их сюжеты и логические схемы продолжали бытовать в польской детской литературе благодаря авторитету К. Таньской-Хоффмановой и С. Яховича. Мы считаем целесообразным обратиться к этой забытой странице в истории польской литературы, поскольку основные нормы поведения, которые внушались юным читателям столетия назад, актуальны и в настоящее время. В нашу задачу входит рассмотреть, как формировались жанры ранней детской литературы в Польше, какие основные сюжеты и композиционные схемы были наиболее разработаны.

Детская литература в европейских странах возникла на пересечении литературы и педагогики. Общий фон ранней польской детской литературы также составляли произведения, стоявшие между литературой и дидактикой. Книга, предназначенная для детского чтения, имела утилитарное назначение: она должна была воспитывать лучшие чувства и качества в маленьком человеке. Детский мирок был миниатюрной копией большого мира взрослых, жанры литературы здесь тоже были представлены в миниатюре, приспособлены к «взрослому» жанрам: повесть превращалась в «повестушку», басня – в «побасенку», комедия – в «комедийку». Ведущим жанром эпохи стала повестушка. Многочисленные повестушки, наводнившие польскую детскую литературу XIX в., создавались в стихах и в прозе. «Повестушка» семантически означала то же, что и «краткая повесть», но в детской литературе XIX в. это слово приобрело новое значение. В польской литературной терминологии «повестушка» (*powiastka*) – это «небольшой рассказ в прозе или стихах; со второй половины XIX в. это название употреблялось для определения кратких повествовательных произведений поучительного характера, предназначенных для детей и молодежи» [4, с. 324]. В повестушке на первый план явно выступает дидактический элемент, рассказчик сознательно влияет на ход повествования, приспособляя его к своим воспитательным целям. Повестушки иллюстрировали отдельные моральные установки, не предлагая цельное художественное видение мира. В польской детской литературе повестушки были противоположностью сказке, они предполагали не просто повествование, а повествование правдивое. Именно достоверный рассказ, а не вымышленная сказка имели воспитательное значение. Родившаяся из потребностей педагогики, детская литература была призвана довести до сознания маленьких читателей нормы поведения в семье и обществе.

Создателем польской детской поэзии стал С. Яхович, в его творчестве повестушка приобрела стихотворную форму. Основу детской беллетристики заложила К. Таньская-Хоффманова, создав богатую галерею сцен из детской жизни. Вместе с творчеством первых детских авторов в польскую детскую литературу 20-х гг. XIX в. приходят картинки из повседневной жизни семьи. Подобные бытовые зарисовки сложно найти в произведениях «большой» литературы, в детских же они предстают со множеством мельчайших

деталей и подробностей. Действие произведений, предназначенных для детского чтения, чаще всего разворачивается в кругу ближайшего окружения ребенка, в доме, в саду, на веранде, увитой плющом или диким виноградом. Авторы поэтизировали уютный семейный мирок. Полы в гостиных покрыты мягкими коврами, на стенах развешены живописные пейзажи и портреты предков. Певчие птички в клетках, горшки с пеларгонией и пылающий камин дополняют картинку этой искусственно созданной семейной идиллии в духе эпохи бидермейера [1, с. 33-40].

Схема дидактических повестушек, заимствованная из переводной литературы XVIII в., предельно проста. Она выражалась тремя словами: предупреждение, непослушание, наказание. Классический пример такой схемы можно увидеть в четырех строках стихотворения С. Яховича «Андзя»:

Nie rusz, Andziu tego kwiatka:

Róża kole, – rzekła matka.

Andzia mamy nie słuchała,

Uklula się i płakała [2, с. 221]. /

Говорила мама Андзе:

– Розы рвать и не пытайся.

Андзя словно не слыхала,

Укололась и рыдала (перевод Е. Комисаровой).

Автор ставит маленького героя в различные искусственные ситуации, в которых ребенок может продемонстрировать свою строптивость или послушание, правильное или неправильное поведение, чтобы в итоге получить награду или понести заслуженное наказание. Подобное произведение завершается, как правило, тривиальной моралью. Наказание за проступок в дидактическом произведении неизбежно. По такой традиционной схеме строится стихотворение С. Яховича «Зло предотврати заранее» (“Zaradz złemu zawczasu”):

– *Zeszyj dziurkę póki mała –*

Mama Zosię przestrzegala.

Ale Zosia niezbyt skora,

Odwlekala do wieczora.

Z dziurki dziura się zrobiła:

A choć Zosia i zeszyła,

Popsuła się suknia cała.

Żle, że matki nie słuchala [Там же, с. 220]. /

– Ты бы дырочку зашила, –

Мама Зося говорила.

Та не скоро собралась,

День прошел, пока взялась.

Дырочка дырою стала:

И хоть Зося залатала,

Только платье не спасти.

Зло заране упреди (перевод Е. Комисаровой)!

Фабула произведения могла меняться в зависимости от фантазии автора и его творческих возможностей, но дидактическая схема, пришедшая из XVIII в., долго не поддавалась влиянию времени. В дидактических произведениях встречалась мораль двух сортов: домашняя (надо мыть руки, нельзя пачкать платье, ломать игрушки, сориться и драться, рвать книжки и т.д.) и общечеловеческая, касающаяся нравственности (надо быть честным, порядочным человеком, помогать бедным и обездоленным). Житейская мораль была прикладной отраслью педагогики, и в задачу детских авторов входило донести поучение до воспитанников, при этом они практически не уделяли внимания эстетической стороне произведения.

Мир дидактических повестушек состоит из предостережений и запретов. Авторы постоянно используют повелительное наклонение: «не ходи», «не трогай», «берегись», «зашей», подчеркивая свою менторскую роль. У современного читателя возникает впечатление принуждения, несвободы, произведения словно настроены против маленького читателя, потенциально способного нарушить запреты, переступить через границу дозволенного. Назидательность стихотворений усиливается при помощи несложного приема: в них практически отсутствует диалог. Роль ребенка ограничивается поступком, о котором рассказывает взрослый. Если же ребенку и «дают слово», то это обычно краткие реплики: восклицания, вопросы, ответы, обещания, выражения радости или сожаления. Мир детских произведений разделен на два лагеря: менторов-взрослых и детей. Лагерь взрослых непрерывно давит своим авторитетом на бессловесных детей. Правда, в роли взрослого могут выступать не только реальные взрослые: автор, учитель, родные, но и звери, неживые предметы и рассудительные дети. Но в таком случае они перестают быть собственно зверушками, предметами и детьми, а становятся воспитателями, представителями мира взрослых. Мышка или кошка, урезонивающие шалуна, монетка, рассказывающая историю своей жизни, кукла, вспоминающая о своих прежних владелицах, – все это маски взрослого воспитателя, надетые для того, чтобы подсластить горькую микстуру морали. В этом мире нет игры, условности, наивности. Все произведения детской литературы первой половины XIX в., независимо от их литературной формы, – это произведения «с моралью». Все в них: и герои, и ситуация, и фабула –

служит для подачи морального поучения. Искусственность ситуаций и в поэзии, и в прозе ощущается изначально, несмотря на предупреждение автора, что история его «правдива», «взята из жизни». Для создания впечатления подлинности автор мог даже назвать имя и фамилию ребенка – героя произведения, но этот герой всегда остается марионеткой, во всем послушной воле автора.

Практически через всю детскую литературу XIX в. красной нитью проходит мысль о том, что положительный герой за свои хорошие поступки всегда, раньше или позже, получит вознаграждение, а порок непременно будет наказан. Против подобной однообразной утилитарной морали, основанной на «поощрении добродетелей, т.е. на корысти» [3, с. 21], выступил с критикой русский журнал «Сын Отечества». Постоянное подчеркивание того, что любое доброе дело будет вознаграждено, поселяет «в душе отрока своекорыстное желание мзды» [Там же]. Тем не менее эта сюжетная линия продолжала процветать и в русской, и в польской детской литературе. Вознаграждение и наказание в повестушках конца XVIII – начала XIX в. неизбежны. Почти всегда они бывают материальными, осязаемыми – по мнению их авторов, дети неспособны еще понять моральную ценность своего поступка. Поэтому «хорошие» дети получают подарки, а шалуны в лучшем случае отделяются травмами или взбучкой от родителей. В худшем же случае их ждет, увы, преждевременная кончина – к ужасу и в назидание юным неслухам. Впрочем, приложив усилия, непослушный ребенок всегда может исправиться. Авторы моральных рассказов не устают взывать к разуму ребенка. Умные, но непослушные и дерзкие дети всегда проигрывают в сравнении со своими тихими и воспитанными сверстниками, пусть даже и неспособными постичь азы арифметики.

Показать ребенку образцы правильного (или неправильного, что тоже поучительно) поведения проще всего было на примере бытовых сценок, близких и понятных детям. Поэтому сюжеты детских произведений не выходят за границы обычного дня ребенка из среднезажиточной семьи. Жизнь героя детской литературы XIX в. строго упорядочена, день замкнут в границы утренней и вечерней молитвы. После завтрака следует обязательная прогулка по чисто выметенным и геометрически правильным дорожкам сада. Четырехлетняя Хеленка, героиня букваря К. Таньской-Хоффмановой «Подарок для Хеленки» (“*Wiązanie Helenki*”, 1823), первого польского букваря для малышей, гуляя по саду, «не трогает цветочки, не срывает их, только нюхает издали, любит ими, а ручки держит за спиной». Послушание и примерное поведение считаются главной добродетелью ребенка, это постоянно подчеркивается во всех произведениях. Хеленка читает по слогам, что «Роз-га не-во-спи-тан-ных де-тей и-справ-ля-ет» [6, с. 30]. Право на развлечение надо заслужить, поэтому маленькая Хеленка учится вязать, сидя на скамеечке у ног мамы.

В детской литературе XIX в. все подчинено задаче воспитания: прогулки, игры, беседы со старшими и даже идиллические вечера в кругу семьи. Бабушки, дедушки, мамы и гувернантки по вечерам рассказывают детям не волшебные сказки, а моральные истории. Нянь в этом рациональном мире нет – невежественные деревенские старушки своими нелепыми рассказами могут зародить предрассудки и фантазии в неокрепших детских умах. Польские педагоги резко возражали против сказок, которые «пробуждают в детях боязливость и ослабляют их психику» [8, с. 136]. Поэтому сказки официально попали в польские детские только во второй половине XIX в. Томик «Тысячи и одной ночи», например, в обработке для детей вышел впервые в 1872 г., а сказки братьев Grimm, знакомые детям во всей Европе с 1812 г., в польском переводе появились только в 1895 г. Польские дети продолжали читать «моральные поучения» и в то время, когда в Англии была уже написана «Алиса в стране чудес», – первое польское издание этой книжки вышло только в 1910 г. [5]. В польской детской литературе первой половины XIX в. царил мир разума, в котором не было места сказочному вздору. Идеи Руссо и Локка стали теоретической основой литературы для детей – она должна была быть абсолютно рациональной, «правдивой», все в ней должно быть подчинено моральной идее. Нравственная ценность ставилась выше литературных достоинств. Польские филантропы стремились изгнать фантастику из воспитания, заменяя ее здравым рассудком, который один должен быть руководителем в жизни. Сказки же своими нелепицами могли замутить ясное представление ребенка о мире.

Седые старички из стихотворений Яховича рассказывают детям не сказки, а «моральные поучения», как дедушка из стихотворения «Дедушка у камина» (“*Dziadek przy kominku*”). Другой старичок говорит «о спасении, о прегрешениях, об искуплении, о времени, что быстро пролетает» (“*Zachód słońca*” (“*Zachód słońca*”)). Как день предназначен для работы, так и вечер должен служить для дела, а не для пустого развлечения. Неважно, что сейчас дети не понимают стариков, – слова, услышанные в детстве, вспомнятся в зрелом возрасте. Эта безжалостная практичность разрушает идиллию. Воспитательное содержание стояло выше художественных амбиций, но порой автору-воспитателю удавалось подняться над примитивно-воспитательными стихами и создать произведение, приближенное к детскому восприятию действительности. Наиболее известное стихотворение этой группы – «Больной котик» (“*Chory kotek*”) С. Яховича – до сих пор продолжает жить в книжках для малышей и антологиях польской детской поэзии. События в этом стихотворении происходят так, как их мог бы вообразить себе ребенок. В кроватке лежит не мальчик, объевшийся сладостями, а больной котенок, съевший слишком много колбасок и сала. А ведь есть-то ему положено мышек! И с моралью к больному приходит не суровый педагог, а кот-доктор. Только последние две строки произносит поэт-моралист:

*Tak się i z wami, dziateczki stać może;
Od łakomstwa strzeż was Boże [4, s. 36]!*

Такое и с вами случиться может;
От лакомства, детки, храни вас Боже (перевод автора статьи. – О. Г.)!

За этой игрой ребёнку несложно увидеть реальную ситуацию, но подобных игровых моментов в польской детской литературе XIX в. немного. К ним ещё не были готовы педагоги и литераторы. Это была первая в польской детской литературе попытка посмотреть на мир глазами ребенка, превратить поучение в игру – по этому пути пойдут создатели детской литературы лишь в XX столетии.

Дидактические произведения с моралью устраивали и педагогов, и родителей. Они развлекали детей, которым не из чего было выбирать, – они не знали другой литературы для своего возраста. Дидактическая литература устояла под напором эстетики романтизма. Родившиеся в эпоху Просвещения дидактические жанры благополучно существовали и в 60-е годы XIX в. Романтизм не повлиял на них, он не стал угрозой дидактическому стихотворению – ведь стишки для детей не считались поэзией. Они стояли вне лирики, и это защитило их от влияния времени. Дидактическая литература существовала на протяжении более чем столетия, практически не зная изменений. Она была слишком схематична, условна, а следовательно, применима к любому времени и к любой ситуации. Только в конце XIX в. происходит постепенный отказ от поверхностного дидактизма и назойливого навязывания штампов поведения. Лирические стихотворения для детей на рубеже XIX-XX вв. создает Марья Конопницкая, она пытается воздействовать на юных читателей не извне, т.е. не демонстрируя чужие проступки и их последствия, а изнутри – призывая на помощь их воображение, фантазию, стремясь пробудить в них лучшие чувства. Уже в XX в. авторы осознают, что воспитательное воздействие должно вытекать не из педагогически правильных поступков и речей героев книг, а из влияния высокохудожественных правдивых образов. Вместе с творчеством лучших польских детских писателей XX в.: Януша Корчака, Людвика Ежи Керна, Яна Бжехвы, Юлиана Тувима – в польскую детскую литературу пришли проникновенный лиризм, опыт народного творчества и детский фольклор, сказочный вымысел с игрой слов, каламбуры и поэтика абсурда, тонкий психологизм и юмор. Но каждый из авторов стремится донести до юных читателей те же нравственные ценности, что и их коллеги в XIX в. Современная детская литература в Польше развивается, имея за собой почти двухвековую историю. Истоки большинства жанров, направлений и сюжетов в современной детской литературе кроются в тех тенденциях, которые проявились в польской детской литературе прошлого столетия.

Список источников

1. Гусева О. В. Бидермейер в польской детской литературе XIX в. // Седьмые и Восьмые Андреевские чтения: славянские литературы и литературные взаимосвязи: сборник статей по материалам XLIV и XLV Международных филологических конференций (г. Санкт-Петербург, 10-15 марта 2015 г., 14-21 марта 2016 г.). СПб.: ВВМ, 2016. С. 33-40.
2. Гусева О. В. Польская детская книга до 1864 г.: аннотированный каталог собрания Славянского фонда БАН. СПб., 2003. 268 с.
3. *Сын Отечества*. 1820. Ч. 66. № XLVII. 48 с.
4. *Antologia poezji dziecięcej*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1991. 439 s.
5. Carroll L. Przygody Alinki w krainie cudów. Z 90-go wydania angielskiego spolszczyła Adela S. Warszawa, 1910. 119 s.
6. Hofmanowa z Tańskich K. Wiązanie Helenki // Hofmanowa z Tańskich K. Dzieła: Tom 1-12. Warszawa, 1875. T. 1. S. 24-107.
7. *Słownik terminów literackich*. Wrocław, 1976. 577 s.
8. Śniadecki J. Uwagi o fizycznym wychowaniu dzieci. Wilno, 1856. 176 s.

**MORALITY AND POETRY – DIDACTIC GENRES AND THEMES
IN POLISH CHILDREN'S LITERATURE OF THE XIX CENTURY**

Guseva Ol'ga Valer'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Saint Petersburg University
gusewa2004@mail.ru

The article is devoted to the origins of children's literature formation in Poland. The author examines the main genres and plot patterns that emerged in the creative work of the founders of Polish children's literature: Klementyna z Tańskich Hoffmanowa and Stanisław Jachowicz. Thanks to their authority, didactic genres remained relevant throughout the entire XIX century, and many of the moral and ethical problems they touched upon were continued in the creative work of the next generations of children's writers.

Key words and phrases: history of children's literature; Polish children's literature of the XIX century; didactic literature; genres of children's literature; poetry; prose; Klementyna z Tańskich Hoffmanowa; Stanisław Jachowicz.